

указанием на югославов. Josef Skutil в статье „Avarskè nálezy na Moravè“ рассматривает славяно-аварские этнические взаимосвязи по археологическим памятникам Моравии послеримского времени, пользуясь также данными венгерской археологии. В общем, вопроса он не разрешает, но в известной мере проливает свет на эту интересную проблему. Давно стоящий в науке вопрос об эпитете „белый“ и „черный“ или „красный“ при имени стран и народов делает попытку осветить Niko Žiranić в статье „Značenje barvnvega attributa v imenu „Crvena Hrvatska“. Автор приходит к заключению, что в Европе нет ключа для решения данного вопроса. Но и в других странах пока еще он не найден. О названии „Hrvat“ поместил статью Rajko Nachtigal. „Dopisek k zgodovini vprasanja o imenu Hrvat“. Автором приведены пространные исторические справки о решении этого вопроса. В современном названии „хrvat“ автор не видит единой славянской коренной основы, считая, что оно образовалось под чужим влиянием, особенно венгерским. Автор указывает, между прочим, что образование имен с суффиксом *at* стоит в ряду многих подобных имен, которые следует отнести к иранским и иллирийским именам с суффиксом *at*.

Кроме отмеченных статей и очерков, в „Жупаничевом сборнике“ помещено много статей и материалов по фольклору: песни, заговоры, приметы, нотные записи мелодий и пр. Имеются и очерки по словенской народной архитектуре.

Вл. Вл. Богданов

Д-р Цветана Вранска, *Апокрифитъ за богородица и Българската народна пѣсенъ*, София, 1940.

Автор рецензируемой книги — молодой болгарский научный работник. Ее перу принадлежит несколько исследований в области южнославянской филологии. Книга состоит из двух частей: 1) апокрифы о богородице у южных и восточных славян и 2) мотивы этих апокрифов в болгарских народных песнях. Наибольший интерес представляет вторая часть книги, содержащая обзор болгарской народной поэзии с апокрифическими и религиозными мотивами и обзор апокрифических и религиозных мотивов о богородице в болгарской народной песне.

Цветана Вранская с примерной добросовестностью и прилежанием привлекла обширный материал. Аппарат книги удовлетворителен. Богатый библиографический указатель и тщательные ссылки на литературные источники в тексте книги значительно облегчат работу каждого, занимающегося исследованием в данной области.

Первая часть книги, в которой автор устанавливает свою классификацию апокрифов о богородице, является, в сущности говоря, сводом уже известных высказываний разных исследователей. Во второй части книги привлечен оригинальный материал. Исследователь-литературовед найдет здесь немало ценного и интересного. Канонические библейские сказания, так же как и апокрифы, в равной степени являются легендами. Как те, так и другие имеют общий источник — устное народное творчество. Однако характерную особенность апокрифов составляет их большая, чем канонических библейских текстов, близость к фольклору. Вырастая часто из устного предания, апокриф не порывал с ним связи и тогда, когда получал книжную обработку и закреплялся в литературе. Больше того: из книг апокриф нередко возвращался обратно в фольклор, претерпевая при этом значительные изменения. Этот исключительно интересный процесс возвращения апокрифа в фольклор и можно проследить в труде Цветаны Вранской на материале болгарских народных песен. В частности, в книге показано, как апокрифы, возвращаясь в фольклор, неизменно теряют элементы чудесного, мистического, сверхъестественного, — элементы, столь характерные для канонических библейских текстов. Мистические, легендарные черты заменяются земными, человеческими качествами. Чудесные персонажи и события приобретают реалистические черты; например, в песне, записанной в селе Княжа, описывается рождение Христа, но богородица обладает здесь совершенно земными чертами; во время родов она мучается, как обыкновенная женщина, окружают ее отнюдь не мистические персонажи, не цари или волхвы, а крестьяне и пастухи. Та же тенденция к освобождению от мистических, библейских подробностей, видна и в ряде других песен, приводимых Вранской. Интересен и другой момент, когда апокрифический мотив сплетается с народными обычаями, носящими остатки языческих верований. Примеров подобного рода тоже не мало в этой книге.

В труде Вранской явственным образом проступает глубоко плодотворная связь болгарской науки с русским литературоведением, с такими классиками русской филологии, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихомиров, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня. Совершенно очевидно, что труды русских филологов были фундаментом, на котором развивалось и развивается болгарское литературоведение. Но сразу видно и другое. Автор рецензируемой книги, добросовестно придерживаясь принципов русской филологии XIX в. в деле строгого и основательного подбора материала, в прослеживании развития того или иного поэтического мотива, становится слишком робким, когда исследование сталкивает его с вопросами происхождения, социальных корней литературного явления. А ведь именно на эту социальную приуроченность литературных фактов и обращали внимание выдающиеся русские исследователи еще

в прошлом веке, не говоря о громадном шаге вперед, сделанном советским литературоведением. Нельзя согласиться с теми методологическими установками, с которыми автор подходит к объяснению рассматриваемых им явлений. Автор стоит на позициях, к сожалению, явно непригодных с точки зрения современной науки. Литературный и фольклорный материал, привлеченный в книге, зачастую как бы висит в некоем вневременном и внесоциальном пространстве, почти совсем не связан с конкретно-историческими условиями народной жизни в Болгарии. Апокриф нельзя рассматривать лишь как простую вариацию библейской легенды. В истории многих народов нередки случаи, когда в апокрифах отражалась та или иная ересь, бывшая выражением острой политической борьбы. Еще Энгельс в книге «Крестьянская война в Германии» безжалостно высмеивал тех буржуазных историков, которые, изучая культуру средневековья, утверждали, что «если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел». Энгельс указывал, что в основе религиозных войн лежала борьба классов и что «если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» (Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1939, стр. 40).

И несомненно, первоочередной задачей исследователя, пишущего работу об апокрифах, должно быть объяснение роли, которую сыграли апокрифические мотивы в политической борьбе эпохи средневековья. В X в. в Болгарии возникает исключительно интересное и до сих пор мало изученное политическое движение, выступившее под религиозным знаменем богомильской ереси. Это движение, надолго захватившее широкие массы как в Болгарии, так и далеко за ее пределами, отражало протест демократических слоев против произвола и гнета аристократии и церковной верхушки. Читатель вправе был ожидать от исследования об апокрифах, написанного болгарским ученым, хотя бы частичного освещения проблемы связи апокрифов с богомильством. К сожалению, ожидания эти не оправдываются. В то же время Вранская, разбирая влияние есхатологических апокрифов на болгарские народные песни, сообщает немало любопытного. В приводимых автором песнях раскрывается следующая картина загробного мира: перед бедными стоят различные яства, а перед богатыми лежат лишь золото и серебро. Изголодавшиеся богатые умоляют дать им в обмен на драгоценности хоть немного кушанья, но в ответ неизменно получают отказ. В этих песнях отчетливо выступает социально-политическая тенденция, своим острием направленная против угнетателей. Трудно сказать, можно ли видеть в этих песнях связь с богомильством, но, во всяком случае, можно было бы ожидать от автора социального осмысления этих фактов.

Вообще история Болгарии, история болгарского народа, крайне скудно отражена в труде Вранской. Остается неясным, как создавались различные апокрифы, какое развитие они имели в болгарской письменности. Остается не определенным и вопрос, как апокрифические мотивы о богородице в народном творчестве изменялись на протяжении веков. Заметим, кстати, что, видимо, не случайно в книге нигде не указано и время записей той или иной народной песни. Правда, в заключении автор говорит, что «мотивы апокрифов о богородице, разработанные в болгарской народной поэзии, претерпевают значительные изменения, каким подвержены религиозные сюжеты на народной почве. Над возвышенным, небесным, ирреальным берет перевес будничное, земное, реальное». Это совершенно справедливо. Однако вне поля зрения автора остался весьма длительный и сложный процесс этих изменений, так же как и причины, их обусловившие.

Грех буржуазной филологии был прежде всего в том, что, занимаясь формальным анализом литературных явлений, она оставляла в стороне существо дела — выяснение социальных корней тех или иных литературных фактов. Книге Вранской присущи те же недостатки.

И. Дмитраков, М. Кузнецов

Х. Вакарелски, *Въпросникъ-упътване за събиране на етнографски материали*, София, 1946, 158.

Рецензируемая работа, представляющая собой подробную программу по сбору этнографического материала, является вторым, значительно дополненным изданием брошюры того же автора, вышедшей в 1945 г. (см. нашу рецензию в «Советской этнографии», 1946, № 3).

Несколько изменяя в данной программе ее структуру, автор делит всю область культуры на «вещественную», «духовную» (в последней автор выделяет в самостоятельный раздел — область словесного и художественного творчества) и «общественную», и соответственным образом распределяет все программные вопросы. Первая группа вопросов (занимающая 40 страниц текста) охватывает отдельные отрасли хозяйственной деятельности (рыболовство, скотоводство, земледелие, добыча, сохранение и обработка сырья), орудия труда и средства сообщения, одежду, жилище, предметы народного художественного творчества. Раздел, посвященный духовной культуре, занимающий 44 страницы, наряду с вопросами из области народной космографии, ме-